

И.И. Некрасов

Тайна дворянства В.А. Жуковского

Василию Андреевичу Жуковскому, одному из крупнейших поэтов России, посвящены сотни книг, статей и исследований. Однако несмотря на такое, казалось бы, пристальное изучение жизни и творчества гениального поэта, в его биографии остаются некоторые не вполне ясные страницы, которые не позволяют в полной мере понять атмосферу, в которой он вырос и в которой сформировался и окреп его могучий талант. В первую очередь это относится к Тульскому периоду жизни Жуковского. Настоящая работа является результатом наших совместных с тульским историком-архивистом Н.К. Фоминым изысканий документов о Жуковском, отложившихся в Государственном архиве Тульской области (далее — ГАТО). Их анализ позволяет приоткрыть завесу над одной из наиболее тщательно хранимых тайн рода поэта, о которой ни он сам, ни его близкие ни разу не обмолвились ни единым словом.

Общеизвестно, что Жуковский являлся незаконнорожденным сыном богатого помещика Афанасия Ивановича Бунина, владевшего под Белевом большим селом Мишенским, а также целым рядом сел и деревень в Тульской, Орловской и Владимирской губерниях. По законам того времени внебрачные дети записывались в то состояние, в котором числилась их мать, получая отчество, а иногда и фамилию по крестному отцу. Матерью Жуковского была пленная турчанка Сальха, жившая долгое время в Мишенском, но не имевшая юридического документа на проживание в России. Только после рождения ею сына, Бунин добился выдачи ей вида на свободное в России жительство. Рождение Сальхой (в крещении Елизавета Дементьевна) сына по-новому поставило и ее положение в семье Буниных, заставило Бунина принять самые решительные меры для юридического оформления ребенка.

По законодательству того времени все подданные России должны были быть записаны в сословные списки. Дворяне в родословные книги, крестьяне, мещане и купцы — в ревизские сказки. Поэтому рождение Сальхой сына сразу же создало большую проблему. С девочкой проще: ее достаточно было выдать замуж, и она вписывалась в сословие мужа. Сложность усугублялась тем, что после смерти в 1781 единственного законного сына Бунина, его права наследника и продолжателя рода Буниных автоматически переходили к незаконнорожденному младенцу. В случае пресечения рода по мужской линии царь обычно удовлетворял просьбы о признании незаконнорожденного сына наследником рода. Хрестоматийный пример — Пьер Безухов.

Именно так стала относиться к Васе семья Буниных. Мальчика сразу же взяли в господский дом, где он рос и воспитывался. Сохранилась неясная запись в послужном списке уже тайного советника В.А. Жуковского, что он был записан сержантом в Астраханский гусарский полк в 1785. Появиться в формулярном списке эта запись могла только со слов самого Жуковского, так как никаких документов, подтверждающих факт записи не было представлено, но чиновникам, составившим список, была хорошо известна традиция дворянских семей XVIII в., записывавших своих отпрысков в военную службу сразу же при рождении. Следовательно, поэт знал, что Бунины или записали его в полк, или только пытались записать.

Дело в том, что этот факт биографии Жуковского приводится без всяких комментариев, хотя при анализе вскрываются явные ошибки. Во-первых, запись в полк давала право на продвижение в чинах только потомственным дворянам. Лиц других сословий в полки не записывали, и для них необходима была действительная воинская служба, чтобы получить офицерский чин, дающий право на приобретение потомственного дворянства. Во-вторых, возможно, Бунин и записал Васю в какой-то полк, но только не в Астраханский гусарский, так как в 1785 гусарских полков в русской армии не было.

По военной реформе Потемкина в 1783–1784 все гусарские полки были переформированы в легкоконные и навсегда утратили положение иррегулярных войск, какими были до того. Только при Павле I было вновь организовано 7 гусарских полков, среди них Астраханского нет. В 1790 в Тульском наместническом правлении было заведено дело о проводах из Тулы Астраханского гренадерского полка на театр военных действий. Этот полк квартировал в Туле и входил в состав дивизии, командиром которой был наместник Тульский и Калужский М.И. Кречетников. Поэтому не исключена возможность, что Жуковский был записан в Астраханский гренадерский полк, в 1785 также квартировавший в Туле, с командиром которого или сам Бунин был хорошо знаком, или он воспользовался связями своих друзей и знакомых. Только при таких обстоятельствах незаконнорожденный мог быть записан в полк, хотя, повторяем, такая запись не имела для него каких-либо последствий, так как он не являлся дворянином.

Если запись Васи в полк в 1785 имела место, то из этого следует, что Бунин стремился сделать все возможное, чтобы оформить мальчику потомственное дворянство. Однако усилий одного Афанасия Ивановича было явно недостаточно, поэтому все семейство Буниных активно включается в это дело. Используя влияние Наталии Афанасьевны Буниной (в замужестве Вельяминовой) на видного екатерининского вельможу, Тульского и Калужского генерал-губернатора Кречетникова, Бунины добиваются составления им в 1789 формулярного списка о службе Жуковского, в котором ему присваивается якобы выслуженный им первый офицерский чин прапорщика. В своих воспоминаниях А. Болотов очень подробно описал, что делал Кречетников по наущению Наталии Афанасьевны, которая, по его словам, выглядела настоящей временщицей в Туле. Болотов даже опасался за свое место на службе, которое, по слухам, предназначалось для самого Афанасия Ивановича Бунина.

Научный сотрудник ГАТО Н.П. Тарасов, обнаруживший дело о внесении Жуковского в дворянскую родословную книгу Тульской губернии, отмечал, что формулярный список, несомненно, поддельный, не указывая, однако, с какой целью и в какое время была совершена подделка.

Шла русско-турецкая война 1787–1791. Тульский наместник М.Н. Кречетников в период военных действий (они велись только весной–осенью, на зиму войска отводились на так называемые «зимние квартиры») командовал одной из дивизий Украинской армии, а зимой исполнял свои обычные административные обязанности. Уезжая в апреле 1789 к армии, Кречетников оставил наказ об управлении наместничеством в его отсутствие и дал указание, чтобы ему с особыми курьерами доставлялись сведения о работе Тульского оружейного завода и обо всех важнейших событиях в наместничестве. Поэтому связь его с Тулой, даже при нахождении в действующей армии, не прерывалась.

С начала кампании 1789 Кречетников оказался независимым командиром. Его дивизия располагалась в отдалении от других крупных военных соединений. Только в начале сентября она была включена в состав армии генерал-аншефа Репнина, участвовала в разгроме турок у речки Сальчи и преследовании их до Измаила, обстреле города. Затем Потемкин приказал Кречетникову со своей дивизией выступить к Бендерам. Неудача под Измаилом, когда Репнин не решился на штурм города, хотя в стене уже была пробита брешь и город горел, сильно скомпрометировала главнокомандующего армией, и он был удален с театра военных действий. Поэтому выявить подлог в составленном Кречетниковым формуляре было практически некому. Кроме того, насыщенный до отказа сражениями год во много раз увеличил поток документов о производстве в чины, отставках за ранениями и болезнями. Следует напомнить, что кроме сражения у Сальчи и обстрела Измаила, А.В. Суворов разгромил турок у Фокшан и Рымника, а сам “светлейший князь” Потемкин 2 ноября взял Бендеры. Именно после взятия Бендер 7 ноября Потемкин подписал оказавшийся у него на столе формулярный список о службе и прошение об отставке младшего адъютанта В.А. Жуковского в чине прапорщика штаба генерал-поручика Кречетникова. Оба эти документа были датированы октябрём 1789.

Опытный администратор и царедворец Кречетников составил формуляр так, что придаться к нему было практически невозможно, и подал его на подпись в наиболее благоприятное время, когда влиятельный вельможа находился в прекраснейшем расположении духа. Как утверждали современники, в таком состоянии Потемкин легко подписывал бумаги, которые в периоды хандры подолгу валялись неразобранными. Да и у кого могли возникнуть подозрения в отношении какого-то прапорщика, прослужившего в компанию 1789 при штабе Кречетникова. Тем более что Кречетников в формуляре указал, что прапорщику 21 год и происходит он из польских шляхтичей. Указать на службу в полку было опасней. Списочный состав полков армии был известен штабу Потемкина. Адьютант же вызывал гораздо меньше подозрений. У всех независимых командиров в то время был огромный штат всевозможной прислуги от денщиков и камердинеров до адъютантов, служивших в обер- и штаб-офицерских чинах. Указание на происхождение из польских шляхтичей сразу же снимало несколько недоуменных вопросов, как об отсутствии у офицера недвижимого имущества, что для XVIII века было очень подозрительно, так и о странности фамилии русского офицера. Кроме того, Польша оставалась еще независимым государством, подданные которого с большой охотой поступали на военную службу в соседние государства и оставляли ее в любое удобное для них время. Поэтому формуляр и прошение об отставке датированы предположительно октябрём, без указания точной даты, когда дивизия Кречетникова еще не присоединилась к армии Потемкина под Бендерами. Без сомнения, Кречетников не мог не упомянуть в формуляре об участии своего адъютанта в сражении у Сальчи и в обстреле Измаила.

Кроме того, в прошении об отставке обращает на себя внимание маленькая деталь, которая не оставляет никаких сомнений в поддельности формуляра и прошения. В документе об отставке Василий Жуковский назван по отчеству не «Андреевичем», а «Афанасьевичем». Наиболее удовлетворительными объяснениями случившийся опоски могут быть: первое, что А.И. Бунин поспешно писал прошение об отставке перед направлением его с курьером Кречетникову, или второе, что Кречетников, хорошо зная Бунина, не знал или забыл отчество Васи.

Во всяком случае, формулярный список без всяких трений прошел через стол президента Военной коллегии князя Потемкина, был утвержден императрицей. После чего 16 июля 1790 определением Военной коллегии отставка была разрешена. Так семилетний Вася Жуковский стал прапорщиком.

Смерть А.И. Бунина в 1791 переложила заботы о мальчике на его сестер. В это время сложилась очень благоприятная обстановка, чтобы оформить для Васи потомственное дворянство. В 1792 Екатерина Афанасьевна Бунина вышла замуж за полковника Андрея Ивановича Протасова, который в 1793 был избран Тульским губернским предводителем дворянства. В его компетенцию как раз входило ведение дворянской родословной книги губернии и рассмотрение всех дел о внесении в нее. Но не он один рассматривал представленные доказательства для причисления к дворянскому сословию. Вместе с ним их рассматривали и уездные депутаты. Сложилось так, что одновременно с Протасовым в качестве уездных депутатов были избраны Белевским — Петр Николаевич Юшков, женатый на Варваре Афанасьевне, урожденной Буниной, а Ефремовским — брат Тульского вице-губернатора Николая Ивановича Вельяминова, женатого на известной уже временщице Наталии Афанасьевне, Степан Иванович. Таким образом, вопрос о внесении Василия Жуковского в дворянскую книгу практически становился семейным делом Буниных. Во всяком случае, при голосовании уже три голоса были «за». Все трое занимали среди депутатов наиболее заметное положение в обществе. Полученный В. Жуковским чин прапорщика позволял при благоприятных обстоятельствах надеяться, что удастся причислить мальчика к благородному сословию. Тем более что сама документация способствовала проведению данного дела. В патенте на чин не указывался ни возраст, ни предыдущее прохождение службы получившего его. К тому же всем

хорошо было известно, что достижение обер-офицерского чина по табели о рангах Петра дает право на потомственное дворянство. Выслужившие это дворянство заносились во вторую часть родословной книги.

Всем этим и попытались воспользоваться Бунины. 22 марта 1795 выдается затребо-ванный ими из Военной коллегии патент на чин прапорщика. Прошение о внесении Василия Андреева сына Жуковского во вторую часть родословной книги подается 25 апреля 1795. Следует отметить, что в этот же день к заседанию депутатов подбираются необходимые ссылки на законодательство, дело вносится в повестку дня заседания последним, восьмым по счету. Прошение, патент, посемейный список и заключение секретаря собрания рассматриваются, и прошение, разумеется, удовлетворяется. Выносится определение, что по выслуженному чину прапорщика Василий Андреев сын Жуковский вносится во вторую часть родословной книги Тульской губернии. Грамота о дворянстве под № 655 ему была выдана 1 июня 1795: «Подлинная подписана тако: губернский предводитель полковник Андрей Протасов, полковник и белевский депутат Петр Юшков, надворный советник и ефремовский депутат Степан Вельяминов...» и далее следовали подписи остальных депутатов. Затем имя В.А. Жуковского с указанием его младшего офицерского чина прапорщика было внесено в специальный реестр, отмечавший «сколько с 1791 года по вступающим от благородного дворянства доказательствам в родословную сей [Тульской] губернии книгу в разные ее части имен занесено и грамот вышло значит под сим».

Так была достигнута главная цель Буниных — добыть дворянство для мальчика. В 12 с небольшим лет Жуковский становится дворянином, что во многом определило его судьбу.

Однако для выслуженного дворянства все же необходима была действительная военная служба, поэтому Бунины стараются как можно скорее легализовать Васино дворянство, пристроив его в какой-нибудь полк, в котором имелись бы хорошо им знакомые командиры. Без этого оформление офицерства было просто невозможно. Для биографов поэта необъяснимым остается тот факт, почему же в 1795 Васю не приняли на военную службу. Хорошо известно, что близкий знакомый Юшковых майор Постников служил в Рязанском полку, расквартированном в Кексгольме, однако почти непрерывно находился в отпуске в Туле. В 1795 его неожиданно вызвали в Кексгольм и он обещал Юшковым записать Васю в свой полк. Они уехали. Вася писал из Кексгольма, что находится среди офицеров, «учится ружьем», присутствует на ученьях солдат и пр. Но до мальчика не доходили слухи, или он не обращал внимания на перемены в полку.

Дело в том, что Рязанский пехотный полк не был строевой частью. Он был занят на канальных и других строительных работах. В истории полка отмечается его низкое внутреннее состояние: «Командир полка кн. Павел Васильевич Долгорукий редко жил при вверенной ему части, все более в С.-Петербурге, в своих имениях, занимаясь собственными делами. Произведенный 2 сентября 1793 из полковников в бригадиры, он стал положительно гостем в полку, передав командование в руки подполковника Авксентия Баранова...». Но в 1795 войска в Финляндии перешли из ведения И.П. Салтыкова к генерал-поручику М.И. Кутузову, который не стал мириться с прежними порядками в Рязанском полку. Тем более что в 1796 намечался поход во Францию, и Рязанский полк был зачислен в состав экспедиционного корпуса. Все это прекрасно объясняет и экстренный вызов Постникова в полк, и неудачу с записью в него Васи. Без сомнения, хороший знакомый Постникова подполковник Баранов, позволявший ему в течение длительного времени спокойно находиться в отпуске, периодически его возобновляя, теперь вынужден был строго придерживаться устава. Даже сам Постников был вынужден выйти в отставку, хотя и с повышением чина. В таких условиях, конечно, о зачислении в полк Васи, не имеющего настоящего формулярного списка, и речи быть не могло.

Неудача с поступлением на действительную военную службу могла иметь для Васи очень грозные последствия, несомненно тяжело переживалась Буниными, так как она

не только закрывала перед ним военную карьеру, но и в любой момент могла лишить добытого с таким трудом дворянства. Тем более что закон 1788 требовал представлять каждое дело о внесении в дворянскую родословную книгу всех получивших выслуженное дворянство в Правительствующий Сенат для исключения из податного сословия. Безусловно, Протасов не выполнил этого требования не без оснований. Другие избравшиеся предводители всегда могли сослаться, что Жуковский никогда к податному сословию не принадлежал, и в ревизских сказках не значился.

То, что все эти опасения были не случайны прекрасно видно из документов «Дела о внесении В.А. Жуковского в дворянскую родословную книгу Тульской губернии». В 1838 в Тулу прибыла ревизия из Правительствующего Сената (Жуковский к этому времени был уже действительным статским советником и воспитателем наследника престола, будущего императора Александра). Ревизия была очень жесткая и завершилась большой чисткой рядов тульского дворянства. Самым безжалостным образом исключались все, у кого были хотя бы малейшие недостатки в предоставленных документах или в их оформлении. Под чистку попали даже представители древнейших дворянских фамилий, ведших свое происхождение от бояр Ивана Калиты и Дмитрия Донского, у которых в каких-то коленах терялась связь между поколениями. Многие из них вынуждены были изменить номер родословной книги и были записаны как выслужившие дворянство чинами. Для нас особенно важно, что все постановления ревизии писались быстро, времени на пересмотр и анализ дел, которых было очень много (около трех тысяч), явно не хватало. Определения ревизии, вшитые в дела, пестрят исправлениями и зачеркиваниями, так как в дела подшивались черновики. Также следует обратить внимание на то, что во всех случаях, кроме одного, исключаемые из дворянства официально уведомлялись, что по постановлению сенатской ревизии их дворянство считается не доказанным и необходимо дополнительно представить те или иные документы, неопровержимо доказывающие их права принадлежать к привилегированному сословию.

Только Жуковскому такого официального документа отправлено не было, хотя неофициально он был уведомлен о результатах ревизии. Обращает на себя внимание определение ревизии, вшитое в его дело. Оно очень большое и написано без единого исправления, в совершенстве отработанными канцелярскими фразами, что приводит к мысли о тщательной подготовке текста. Вне всякого сомнения, ревизовавшие дело прекрасно знали, о ком идет в нем речь. Поэтому они не решились прямо сказать, что Жуковский не имеет никаких прав на дворянство. Тщательно расписав документы, составляющие дело и сославшись на их неполноту, они ограничились тем, что написали, что Жуковский действительной военной службы не нес, почему дворянское собрание не вправе было причислять его к дворянству.

Подобное исключение было катастрофой всей жизни для любого смертного в России. Однако Жуковский уже не был простым смертным. Император Николай, узнав о возникшем «недоразумении», в 1839 пожаловал Жуковскому и его будущему потомству диплом на дворянское достоинство.

Поэтому так и была грозна неудача в Кексгольме. В случае же удачи и поступлении Васи в полк в чине прапорщика его дворянство становилось законным. Буниным приходилось вновь предпринимать самые энергичные меры, чтобы обеспечить судьбу мальчика. Однако неудача с поступлением в Рязанский пехотный полк закрыла для Жуковского военную карьеру. Оставалась только статская служба, для которой необходимо было соответствующее образование.

В начале 1797 Мария Григорьевна Бунина отвезла Василия в Московский университетский дворянский пансион, являвшийся одним из лучших учебных заведений в России того времени. Только грамота о дворянстве давала Жуковскому право на поступление в него. Тем не менее у руководителей пансиона, по всей видимости, возникли сомнения, если не в вопросе о законности дворянства нового ученика, то в обеспеченности платы за обучение. Ведь они принимали в пансион дворянина, не имеющего не только имения,

но и какой-либо недвижимости, плату за которого обязуются вносить какие-то в принципе посторонние к нему люди. Сейчас они ее вносят, но где гарантия, что они в дальнейшем будут ее исправно вносить? Только наличие недвижимости у самого ученика может являться подлинной гарантией в его платежеспособности.

Это представляется наиболее правильным объяснением того обстоятельства, что после возвращения с летних каникул в пансион в 1797 Василий Жуковский становится домовладельцем в Белеве. Автором данной работы обнаружены нотариально заверенные купчие на дом поэта, которые позволяют совершенно точно проследить все его переходы от владельца к владельцу. В первой из купчих с подлинным автографом поэта сказано:

«Лета 1808-го сентября в десятый день из дворян адъютант, а ныне титулярный советник Василий Андреев сын Жуковский продал я госпоже девице покойного статского советника Ивана Яковлевича Протасова дочери Елене Ивановне благоприобретенный мною крепостной свой доставшийся мне прошлаго 1797 года августа в 27-й день от госпожи действительной статской советницы Авдотьи Афанасьевны Алымовой по купчей деревянный дом, состоящей Тульской губернии в городе Белеве в седьмом на десятом квартале под номером седьмым, построенный ею на отведенном ей по высочайше конфирмованному плану из пустопорозжаго и никому по крепостям не принадлежащаго городского выгона со всяким в нем деревянным строением и огородом, который уже мною дом по покупке перестроен другим фасадом на каменном фундаменте, то и со всею моею вновь учиненною к оному дому и двору разною постройкою, мерою под оным домом и двором, как по пред сказанной дошедшей мне купчей значит состоит земли: длиннику по обеим сторонам по тридцати по семи сажень, поперешнику в переднем семнадцать сажень, заднем концах десять с половиною сажень, или что оказаться может, все без остатка, а взял я Василий, с нея, Елены, за оной свой дом со всем хоронным надворным строением денег сто рублей...»

Сам поэт тщательно скрывал все обстоятельства связанные с домом до его перестройки. Жуковский говорил друзьям только о строительстве им дома в Белеве, о чем сохранилось много упоминаний в переписке поэта. В «Постановлении для Московского университетского пансиона» указано, что в пансионе обучалось около 300 человек. Обучение велось по индивидуальной программе и могло продолжаться до шести лет, но ученик мог завершить курс и ранее этого срока. Воспитанники обучались в пансионе 11 месяцев в году, и лишь июль предназначался «для роздыху», то есть учащиеся распускались на каникулы. Именно после каникул и следовало ожидать полного оформления Жуковского в пансион, и именно в это время и заключается эта сделка, подспудная сторона которой до сих пор неизвестна.

По окончании Московского Университетского пансиона Жуковский поступил на службу в Московскую соляную контору. Небезынтересно отметить одно обстоятельство, на которое почти не обратили внимания биографы поэта. Во главе Московской соляной конторы находился хорошо нам знакомый Вельяминов, который, несомненно, и устроил туда Василия Андреевича. В таких условиях продвижение по службе и получение необходимого для подтверждения потомственного дворянства чина ему было обеспечено. «Прослужив» немногим более года в конторе, о которой поэт впоследствии отзывался очень неодобрительно, он выходит в отставку в чине титулярного советника, соответствующего чину штабс-капитана.

Итак, Бунины сделали все возможное, чтобы в тяжелых условиях крепостнической России обеспечить наиболее благоприятные условия жизни будущему поэту. Однако сословные предрассудки не обошли Жуковского. Даже в родной семье он всю жизнь оставался всеобщим любимцем, занятой игрушкой, о которой необходимо было постоянно заботиться. Когда он только раз в жизни попробовал посчитать себя полноправным с Буниными, то получил резкий отпор (сватовство к дочери Е.А. Протасовой). Жуковский в «Послании к Филарету» (1807) необычайно сильно сумел выразить двусмысленность своего положения в родном доме:

Считаю ль радости минувшего — как мало!
Нет! Счастье к бытию меня не приучало;
Мой юношеский цвет без запаха отцвел! ...

Но и последующая жизнь поэта не принесла ему избавления от зависимости от сильных мира сего. Если Пушкин гордо заявлял, что ни он, ни его предки ничем не обязаны Романовым, которых они, Пушкины, возвели на трон (в акте 1613 об избрании на царство Михаила Романова стоят подписи четырех представителей рода Пушкиных), то положение Жуковского в обществе всецело зависело от милости монарха. Подобное понимание ранней биографии поэта показывает в полной мере его мужество, которое требовалось от человека в его положении, когда он защищал перед царем деятелей русской литературы и искусства, декабристов. Ведь он, как никто другой, понимал весь трагизм их жизни, в особенности выходцев из народа. Только в творчестве поэт находил свою свободу. По всей видимости, именно поэтому оно получило романтически-сентиментальную окраску.